

21

В лучах утреннего солнца на них хлынула толпа, мощная, как поток воды из прорванной дамбы. Хань Чэнь и Су Мянью оказались зажаты в самой гуще, не имея возможности ни двинуться вперед, ни отступить.

С противоположной стороны улицы, в сотне метров от них, распростерлась Народная площадь, вокруг которой высились многочисленные торговые центры. Сегодня, вероятно, проходило какое-то празднество с танцами, и с самого утра повсюду кипела жизнь. Чтобы добраться до площади, Хань Чэню и Су Мянью пришлось пересечь пешеходный мост. Внизу, под мостом, стремительным потоком неслись машины: прыгнуть туда значило расстаться с жизнью.

Все бежали прочь, и лишь они вдвоем двигались против течения, с трудом пробивая себе путь вперед.

— Полиция! Дорогу! — кричали они, но их голоса тонули в общем гуле.

Хань Чэнь схватил Су Мянью в охапку и прижал к холодным перилам моста. Только так они смогли перевести дух. Сердце Су Мянью пропустило удар: она пристально, не отрывая взгляда, смотрела на «клоуна», танцующего в самом сердце площади.

Прижимая ее к себе одной рукой, Хань Чэнь другой достал телефон и крикнул в трубку:

— Мы с Сяо Бай у площади, пытаемся пробиться! Срочно выясните, что поет «клоун» — это код для обезвреживания бомбы!

Нажав на кнопку отключения вызова, он снова прикрыл собой Су Мянью, и вдвоем они продолжили пробиваться сквозь хаотичный

поток вслепую бегущих людей. Су Мяннь крепко вцепилась в его руку, помогая отталкивать налетающих сбоку.

Появление «клоуна» посеяло панику, и группа «Черный щит» мгновенно получила сигнал. В этот самый миг Болтун, Сяочжунань и Ледышка с головой погрузились в кадры с камеры видеонаблюдения.

Из-за мероприятия на площади, разумеется, дежурили патрульные. Несколько офицеров в срочном порядке эвакуировали людей, а двое других, следуя указаниям «Черного щита», рискуя жизнью, приближались к «клоуну». Огромное пространство было объято хаосом; казалось, сам воздух сгустился от зловещего напряжения.

— Не бойся! Не плачь! — До наблюдающих через устройство связи донесся успокаивающий голос полицейского, который обращался к «клоуну» и поднес к его уху мобильный телефон. — Мы обязательно найдем способ тебя спасти. Успокойся, слушай, что я тебе говорю, и продолжай петь.

Болтун немедленно выкрутил громкость на максимум, Сяочжунань схватил бумагу и ручку, а Ледышка, опустив голову и зажмурившись, вслушивался в каждое слово.

Все трое замерли затаив дыхание.

Телефон «передал» им пение «клоуна», которое прерывалось всхлипами:

*Небо меняет свой цвет, в янтарь стремится закат,
Над землей, где спасения нет, облака неподвижно висят.*

*Если птенчику крылья сломать, он забудет, что значит полет.
Жалкий, будет ногами летать и на двух по земле побредет.*

*Однажды в потерянный день мальчишке исполнилось семь.
Он бродил, безымянная тень, нелюдимый и брошенный всем.*

*Он себя ненавидел и бил за уродство невидимых крыл.
Он ползком сквозь толпу проходил, и никто его не любил.*

*Одним днем заболело в груди, словно перышко тронуло нерв.
И расправил он крылья — два позади, боль и слабость в себе презрев.*

*Он взлетел над застывшей толпой, что топтала его столько лет.
Он летел, возвращая навеки потерянный солнечный свет.*

A, E, I, M, Q, Z, X, V, T...

Сяочжуань быстро записал весь отрывок песни и передал листок Ледышке:

— Отправь боссу!

Ледышка взял листок и начал вчитываться в текст. Болтун уставился на записанные строки, сдвинув брови в глубокой задумчивости.

Происходящее взбудоражило отдел уголовного розыска и провинциальное управление. Все сотрудники повскакивали с мест, не отрывая глаз от экранов с трансляцией. Цинь Вэньлун распорядился отправить группу оперативников на место происшествия для срочной поддержки.

Сюй Сыбай едва успел переступить порог офиса «Черного щита», как услышал вопли Сяочжуаня в своем телефоне:

— Босс! Босс! Слышите? Мы отправили вам текст песни. Будьте осторожны! Не подходите слишком близко к «клоуну»!

Хмурое лицо Сюй Сыбая мгновенно изменилось в цвете. Он резко развернулся и бросился к двери, запрыгнул в свой «Шевроле» и, следуя за полицейскими машинами, помчался к месту происшествия.

— Результаты экспертизы, проведенной отделом криминалистики, показали, что код должен представлять собой набор цифр, — задумчиво протянул Болтун. — Босс и Сяо Бай зажаты в толпе. Теперь мы можем рассчитывать только на себя.

Ледышка и Сяочжуань мрачно кивнули. Их взгляды стали еще серьезнее.

— Я понял! — вдруг вырвалось у Сяочжуаня.

Болтун и Ледышка одновременно вскинули головы, с некоторым удивлением глядя на него. Раскрасневшийся от волнения, Сяочжуань обвел несколько слов из песни и ткнул в них пальцем:

— Быть может, код — это два-один-семь-один-девять? Смотрите, в стихотворении встречаются цифры. Две ноги — это цифра два. Однажды — один. Семь лет — семерка.

Болтун и Ледышка на мгновение потеряли дар речи.

— Продолжай думать! — подбодрил его Ледышка.

В этот момент часы показали 7:00.

До взрыва оставалось семь минут.

— Небо меняет свой цвет... — Болтун взволнованно почесал затылок, изо всех сил шевеля мозговыми извилинами. — Речь про пасмурный день? Облака неподвижно висят над головой мальчика... Это полет на самолете? Или восхождение в гору? А до этого убивал людей, которые, по его мнению, пошли вразрез с нормами морали. Может ли код быть связан с каким-нибудь происшествием или делом?

Предположение звучало довольно правдоподобно, Ледышка резко поднял голову:

— Личность «клоуна» установили?

— Установили! — отозвался сотрудник, который только-только вошел в офис. — Он сообщил оперсотрудникам на месте, что его зовут Цао Ян, ему тридцать восемь лет. Вот его данные.

Болтун выхватил лист бумаги из его рук и бегло вчитался.

Губы расплылись в торжествующей улыбке:

— Он владеет магазином товаров для активного отдыха. Ранее на него жаловались в Бюро промышленности и торговли за продажу контрафактной и некачественной продукции. Судя по всему, для него закон не писан, и однажды он даже вступил в сговор с бандитами, которые причинили тяжкий вред одному из его клиентов.

— Два-ноль-один-четыре-ноль-семь-два-один? — Су Мянь повторила присланную последовательность цифр. — Дата дела о причинении вреда? — Она подняла голову и задумчиво посмотрела на Хань Чэня.

К тому моменту они уже смогли прорваться через пешеходный мост и нырнуть в еще более переполненный подземный переход. Хань Чэнь, обняв Су Мянью, прижался спиной к холодной стене.

Взгляды их встретились. Несколько тягучих минут они провели в молчании, с трудом продвигаясь вперед и лихорадочно соображая.

— Нет, не этот код.

— Не он.

Они произнесли свои слова одновременно.

— Мысль с датой правильная! Но сама дата — другая! — воскликнула Су Мянью, и глаза ее озарились искрой понимания.

Увидев дату, которую прислали ей Болтун и другие коллеги, Су Мянью в тот же миг осознала, что они ищут совсем не то и не там.

Прежде всего, стихотворение определенно не мог написать А, поскольку у него не было литературного таланта. Скорее всего, это творение L.

L — человек, не ведающий жалости, который заботится лишь о собственных чувствах и уж точно не ведает ничего о якобы справедливом возмездии или устранении негодяев. Разве мог он сочинить стихотворение о невинной, чистой душе, да еще наполненное таким глубоким смыслом?

Сложно было даже предположить, что автором мог быть А, потому как тот убивал людей по собственной прихоти, вряд ли из каких-либо соображений о справедливости. А стало быть... догадки Болтуна и остальных в корне неверны.

Главная подсказка крылась в образах стихотворения, нужно было лишь присмотреться повнимательнее. «Небо меняет свой цвет», «облака неподвижно висят» могли указывать и на иную ситуацию, и взрыв отлично вписывался в повествование. Строчка о том, что мальчик «ползком сквозь толпу проходил», наталкивала на мысль: стихотворение описывает дело, совершенное именно А.

Строфы про сломанные крылья и полет на двух ногах, очевидно, символизировали некое падение и трансформацию. Возвращение крыльев, возможно, означало новую жизнь, к которой так стремятся психопаты.

«Однажды» и «одним днем» — слова, связанные с течением времени. Учитывая то, что код представляет собой набор цифр, Су Мянью пришла к выводу: за кодом скрывалась дата взрыва.

Но какого именно?

Были две даты, которые соответствовали условиям.

Первая — это первое преступление, совершенное самим А. Су Мянью перечитывала дело бесчисленное количество раз, и потому дата — 30 июня 2008 года — отчетливо въелась в ее память. Если стихотворение намекает, что А начал совершать преступления, поскольку обрел в злодеяниях новый смысл жизни (ведь и Сюй Наньбай

перед падением с обрыва сказал, что его «жизнь наполнилась ярким пламенем»), — дата подходит в качестве кода.

Однако существовала и вторая дата: 20 апреля 2009 года.

От мыслей об этом Су Мянью тяжело вздохнула. Двадцатое апреля — день кровавой трагедии, вызванной противостоянием «Семерки» с полицией, день ее разлуки с Хань Чэнем и, по словам Синь Цзя, день, который положил начало отсчету до распада «Семерки». Версия, что в стихотворении скрывался намек на это событие, звучала вполне логично. Что касается последовательности английских букв... Здесь Су Мянью пока не смогла подобраться к разгадке.

Букв было больше, чем членов «Семерки», и потому кодовым обозначением участников это быть не могло. Сами буквы пока не складывались ни в какое-либо слово на английском, ни в слог китайского языка, которые можно было бы записать, используя пиньинь.

Она вскинула голову и посмотрела на Хань Чэня. Время поджигало.

Она уже собралась заговорить, как вдруг из шумной толпы позади раздался пронзительный детский вопль:

— Ай! Больно!

Затем последовал надрывный крик женщины, граничащий с плачем:

— Ребенок! Моя дочка! Остановитесь! Вы же затопчете ее!

Су Мянью и Хань Чэнь одновременно обернулись. В плотной, слепо мечущейся толпе они смогли увидеть едва различимую, распластавшуюся на асфальте девочку лет семи, по которой раз за разом проходились чужие ноги. Мать отбросило от нее на несколько метров. Бледная как смерть женщина с криками пыталась пробиться к дочери.

Кое-кто, увидев девочку, пытался ее обогнуть, но человеческий поток был настолько сильным, что остановиться не представлялось возможным, и потому люди, ведомые паникой, вновь и вновь проходились по телу ребенка.

Девочка затихла. Казалось, она уже не выживет.

Разве могли Хань Чэнь и Су Мянью бросить ее?

— Разойдитесь! Вы затопчете ребенка! — крикнул Хань Чэнь, и лицо его стало холодным как лед.

Он оттолкнул высокого мужчину перед собой, отпустил руку Су Мянью и начал пробиваться к девочке. Мужчина, который никак не ожидал толчка, изменился в лице.

— Чего толкаешься! Жить надоело, что ли! Свали с дороги! — взревел он и протянул руку, чтобы ударить Хань Чэня.

Но не успел он даже коснуться полицейского, как тот, стремительно, словно молния, нанес сокрушительный удар ему в лицо и даже бровью не повел: профиль его был словно изваянный из камня.

Су Мянь мысленно закричала от ликования: ну до чего хороший удар!

Кровь хлынула из носа мужчины. Пошатнувшись, мужчина рухнул на людей, которым не повезло оказаться позади. В глазах его застыл шок. На мгновение все замерли, пораженно уставившись на Хань Чэня. Тот вместе с Су Мянь воспользовался паузой и пробился к девочке. Хань Чэнь поднял едва живого ребенка и передал в руки матери.

Время возобновило свой ход. Толпа хаотичным потоком хлынула вперед. Хань Чэнь вновь крепко обнял Су Мянь и прижался к стене. Вокруг стоял шум, и потому он достал телефон и быстро напечатал несколько цифр: 2009-04-20.

Сердце Су Мянь замерло. Она недоумевала.

Как только Хань Чэнь убрал телефон, она сразу спросила:

— Почему именно этот день, а не тридцатое июня две тысячи восьмого года?

Не меняясь в лице, он кратко ответил:

— Последовательность английских букв.

Царящий вокруг хаос не способствовал объяснениям. Хань Чэнь с первого взгляда увидел закономерность, которая спряталась за буквами. Во-первых, А, Е, I, М, Q идут в алфавитном порядке, между каждыми двумя пропущено три буквы. Согласно этой закономерности, следующей буквой должна быть U, пропущенные между ними — R, S, T. Во-вторых, Z, X, V, T идут в обратном алфавитном порядке, начиная с конца, между каждыми двумя пропущена одна буква. Значит, следующей буквой должна быть R, а S пропустили.

Смысл интервала оставался неясным. Су Мянь как-то говорила, что и у А, и у L есть детская сторона. Хань Чэнь ухватился за эту мысль и решил посмотреть на комбинацию с самой простой, граничащей с интуицией точки зрения. В глаза ему сразу бросилось, что две группы букв фактически расположены вокруг центральной буквы S.

Что же тогда могла означать S?

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

